

Но в тот день, когда пришло извещение о зачислении, Е Мянью так и не дождался от отца одобрения или похвалы, на которые надеялся. Тот лишь посмотрел на него и со вздохом произнес:

— Зачем было прыгать выше головы? Вся семья целый год из-за тебя жила как на иголках. Провалился бы снова — куда бы мы с матерью глаза девали от стыда? Ты ведь не твой брат: не по плечу ноша — нечего и браться.

Е Мянью задрожал от гнева, но спорить с отцом не стал. Он давно привык переживать обиды в одиночку, поэтому просто промолчал и все летние каникулы ходил сам не свой.

Накануне отъезда в Пекинский университет родственники собрались, чтобы проводить Е Мянью. Все наперебой вежливо хвалили его за успехи, но захмелевший отец лишь махнул рукой:

— Да какой там Мяньюмянь! Два года мучился, пока поступил. И то лишь благодаря брату, который подтянул его перед экзаменами, а иначе точно бы провалился. Разве посмели бы мы с матерью сидеть тут с вами за одним столом, если бы не наш старший? Он для нас не просто счастливая звезда, он спаситель всей семьи!

В ту ночь Е Мянью так и не сомкнул глаз. Перед самым рассветом, изнывая от тоски, он выскользнул на улицу подышать свежим воздухом. Глаза его опухли от слез. Из-за невнимательности он попал под колеса машины с пьяным водителем. Пережив страшную, разрывающую тело на части боль, он потерял сознание, а когда снова открыл глаза — оказался здесь, в династии Великая Вэнь.

В этой династии Великая Вэнь его тоже звали Е Мянью, и у здешнего Е Мянью тоже был старший брат.

Если про старшего брата Е Мянью из прошлой жизни можно было сказать, что он родился под счастливой звездой и шел по жизни играючи, то его здешний брат из династии Великая Вэнь казался сошедшим с небес небожителем. В три года он начал учиться грамоте, в четыре — знал наизусть сотни стихов, в пять — упражнялся в боевых искусствах, а в семь — в совершенстве овладел нотной грамотой. Но главное, в эту эпоху, когда людей «встречали по одежке», брат был невероятно красив, точно сосланный на землю бессмертный. Три года назад, закончив ступень Кунь в Императорской академии Гоцзысюэ, он не стал, подобно другим отпрыскам чиновников, покупать должность, а честно сдал государственные экзамены. Во время дворцовых испытаний Император, пораженный его утонченными манерами, безупречной внешностью, а также выдающимся умом и блестящим слогом, от восторга несколько раз хлопнул в ладоши и воскликнул: «Хорош! Как хорош!» Ему тут же пожаловали звание баньяня — второе место на экзамене. Позже во дворе говорили: не будь старший молодой господин клана Е так молод, звание чжуаньюаня, абсолютного победителя, ни за что не досталось бы кому-то другому.

Слухи эти возникли не на пустом месте. Объявив на дворцовом экзамене имена чжуаньюаня, баньяня и таньхуа, занявших первые три места, Император не спешил отпускать кандидатов. Он долго расспрашивал юношу из клана Е, статного и прекрасного, словно нефритовое дерево. Молодой человек так приглянулся государю, что тот самолично даровал ему второе имя — Дуаньхуа, после чего, сияя от радости, долго кивал и гладил бороду. С тех пор в династии Великая Вэнь заговорили о Господине Дуаньхуа. В тот год все благородные девицы и простые горожанки только и делали, что шептались в своих покоях с подругами, расспрашивая, каков из себя этот Господин Дуаньхуа, о котором говорили: «Превосходит всех в шести искусствах, лицом прекрасен, словно чистая яшма, и нет ему равных в подлунном мире».

Когда Господин Дуаньхуа поступил на службу, ему было всего семнадцать лет. По правилам, получивший звание банъяня должен был дожждаться назначения от Министерства чинов; обычно таких определяли в Академию Ханьлинь на скромную должность младшего писца-составителя младшего шестого ранга. Однако Император опередил Министерство чинов. Накануне распределения должностей он призвал Господина Дуаньхуа в императорский кабинет для тайной четырехчасовой беседы, а на следующий день прямо на утреннем собрании пожаловал ему должность судьи в Судебном приказе Далисы с присвоением младшего пятого ранга. И дело было даже не в ранге: Судебный приказ Далисы сосредоточил в себе реальную власть. Столь исключительная милость государя сама по себе была невиданным делом, но кто бы мог подумать, что всего через полтора года Император возвысит его до шаоцина Судебного приказа Далисы — должности младшего четвертого ранга! К слову, его отец, Заместитель министра Е, прослужил в Министерстве финансов полжизни, но дослужился лишь до младшего третьего ранга. С тех пор ни для кого не осталось тайной, кто является главным любимцем Сына Неба. За этот год пороги в поместье клана Е обивали так часто, что их пришлось менять не один раз.

В прошлой жизни Е Мянью еще пытался соперничать со своим братом — в конце концов, он и сам был неглуп. Но в этой жизни он даже не помышлял о подобном. Соревнование с выдающимся человеком подстегивает к развитию, но тягаться с небожителем — это ли не глупость? Стоило Е Мянью впервые увидеть своего брата Е Цина, как он понял: шансов нет. Они были как небо и земля. Одно мимолетное движение брата — и ты уже чувствуешь себя втоптаным в грязь.

Старший брат, столь ослепительный и к тому же законный первенец, разумеется, пользовался безграничной любовью родителей. Этот сценарий был Е Мянью слишком хорошо знаком. Едва очутившись в династии Великая Вэнь, он узнал от слуг, что прежний владелец этого тела, точь-в-точь как он сам в прошлой жизни, без конца устраивал глупые выходки, лишь бы привлечь внимание отца. О последствиях Е Мянью мог и не спрашивать. Заместитель министра Е смотрел на него даже хуже, чем отец в прошлой жизни. Тот относился к нему с безразличием и нетерпением, а во взгляде Заместителя министра Е то и дело сквозили брезгливость и отвращение. Когда Е Мянью впервые прочитал это в глазах Заместителя министра Е, он испугался и опешил, а в груди защемило от острой боли. Но он так и не понял, за кого болело его сердце — за себя прежнего или за прежнего хозяина этого тела.

Закончив обедать в Башне Юйсянь, приятели поспешили обратно в Императорскую академию Гоцзысюэ той же дорогой.

Выйдя из экипажа у ограды Сухой сливовой рощи, Е Мянью первым перемахнул через стену. Оставшиеся снаружи юноши потеряли ладони, собираясь последовать за ним, как вдруг из-за стены донесся истошный вопль Е Мянью.

— А-а-а!

От ужаса его голос сорвался на визг.

Приятели вздрогнули и испуганно переглянулись, после чего торопливо взобрались на сложенную у стены копну сена и полезли наверх.

— Брат Мянью?!

Е Мянью застыл как вкопанный под стеной, с гневом уставившись на росшее неподалеку сухое сливовое дерево. Сердце его бешено колотилось, готовое выскочить из груди, а дыхание

сбилося.

В этой Сухой сливовой роще и без того всегда было мрачно, к тому же о ней ходило несколько жутких историй о призраках. С тех пор как Е Мянью переродился в династии Великая Вэнь, он стал очень суеверен и избегал всего, что связано с потусторонним миром. Не будь эта роща почти заброшена, из-за чего стража сюда почти не заглядывала, облегчая им побеги с занятий, он бы и шагу сюда не сделал. Но даже так всякий раз, когда они проходили мимо, у него мурашки бежали по коже.

Не успел он спрыгнуть на землю и твердо встать на ноги, как порывом зловещего ветра к нему принесло несколько желтых ритуальных банкнот. Они медленно опустились на его сапоги, а затем соскользнули на землю. На фоне мертвенно-белого снега зрелище выглядело невероятно жутким! Подняв глаза, он увидел, что чуть дальше на снегу валяется множество обгоревших желтых бумажек с остатками пепла, а под сухим деревом высится груда золотистых бумажных слитков.

Снова подул холодный ветер. Е Мянью стоял неподвижно, чувствуя, как волосы на голове встают дыбом. Он как раз пытался набраться храбрости и приглядеться, когда из-за сухого дерева внезапно высунулся человек. Он показался лишь наполовину, держась рукой за ствол, и уставился на Е Мянью одним хмурым, зловещим глазом. Тот не выдержал и от страха завопил во все горло.

Только когда Вэй Аньюань и остальные спрыгнули вниз, Е Мянью немного пришел в себя. Он ткнул пальцем в сторону незнакомца и гневно прикрикнул:

— Ты кто такой?! Что ты там вынюхиваешь, прячась как вор?

Человек снова скрылся за деревом.

Ли Чжао, парень не робкого десятка, в несколько размашистых шагов добрался до дерева, выволок прятавшегося наружу и бесцеремонно толкнул на землю.

Юноша выглядел смертельно испуганным. Он поднялся, весь дрожа, и бледный как полотно уставился на них.

— Чего вылупился? — Ли Чжао пнул его и сердито прикрикнул: — Живо отвечай, кто такой! Как ты смеешь устраивать это чертово представление в Императорской академии Гоцзысюэ?

От пинка незнакомец покачнулся и отступил на пару шагов, чтобы удержать равновесие. Он так и не проронил ни слова, лишь крепко сжал губы и, низко склонившись, сложил руки в приветственном поклоне.

Ли Чжао насупился и уже занес ногу для нового удара, но Е Мянью вовремя остановил его.

— На нем браслет, — Е Мянью придержал Ли Чжао за плечо и кивком указал на запястье незнакомца.

Ли Чжао замер, присмотрелся к запястью юноши, а затем, нахмурившись, переглянулся с Вэй Аньюанем и остальными. Оказалось, это их сокурсник — один из учеников ступени Ци.

Все воспитанники Императорской академии Гоцзысюэ во время занятий обязаны были носить одинаковые браслеты. Е Мянью это напоминало школьные значки из прошлой жизни, с той лишь разницей, что здесь у каждого года обучения был свой браслет. Ученики ступени Ци

носили браслеты из красной древесины милеттии, ученики ступени Сю — из черного дерева, ученики ступени Чжи — из зеленой павловнии, а ученики ступени Кунь — из бурого ротанга.

На запястье этого юноши красовался браслет из красной древесины милеттии.

Ли Чжао подошел ближе, бесцеремонно схватил парня за руку, разглядывая браслет, а затем брезгливо отбросил ее в сторону и с пренебрежением бросил Е Мяню и остальным:

— Из Двора Цицянъ. То-то я его ни разу не видел.

На браслетах воспитанников имелась серебряная пластинка шириной примерно в полпальца с выгравированным иероглифом, обозначающим учебный двор. Е Мянь и его друзья числились во Дворе Цижуй, поэтому на их браслетах красовался знак «Жуй».

Двор Цицянъ, о котором упомянул Ли Чжао, предназначался для детей из простых и бедных семей. Они никогда не пересекались с выходцами из знатных семей Двора Цижуй. В каком-то смысле эти два мира существовали параллельно, никак не задевая друг друга.

Сословное деление в династии Великая Вэнь блюлось строго, и даже в таком передовом заведении, как Императорская академия Гоцзысюэ, свято оберегали эти незыблемые правила — иначе учеников из разных сословий не стали бы разделять при обучении.

Худенький и слабый юноша, которого Ли Чжао так грубо оттолкнул, не осмелился произнести ни слова. Он лишь согнулся в поклоне еще ниже.

<http://bllate.org/book/18289/1753809>